

Очень любопытны наблюдения авторов статей о декоре и интерьере сельского народного жилища, в частности, вывод, что оформление современного сельского дома становится все более разнообразным (см., напр., стр. 176).

Все эти (и многие другие) положения, выражающие те или иные тенденции развития быта и культуры русского населения в Урало-Поволжской историко-этнографической области, оказалось возможным сформулировать с достаточно высокой степенью определенности в значительной мере потому, что в основу исследований, результаты которых изложены в рецензируемом сборнике, были положены массовые данные, а эти последние подверглись статистической обработке. Думается, что научная результативность примененных методов вполне оправдывает их использование как в обсуждаемом труде, так и в будущих исследованиях казанских коллег.

Следует сказать, что использование статистических методов уже имеет в советской этнографии свою традицию. Не говоря о работах этносоциологов, можно указать на труды М. В. Витова, Г. Ф. Дебеца и О. А. Ганцкой, Л. Н. Терентьевой, А. Ю. Петерсона, В. А. Липинской и других этнографов, применявших статистические приемы сбора и анализа именно этнографических данных. Авторы сборника, несомненно, опираются на эту традицию, но в некоторых отношениях идут дальше своих предшественников сознательно используя статистические методы во всех тех случаях, где это диктуется типом и характером поставленных исследовательских задач.

Признавая несомненные достоинства этой коллективной публикации, следует вместе с тем указать и на имеющиеся в ней погрешности. Мы, впрочем, не будем касаться конкретных вопросов. Отметим лишь, что не со всеми положениями авторов можно согласиться, что некоторые из их утверждений носят дискуссионный характер. Важнее сказать о том, что читателю следовало бы дать возможность убедиться в репрезентативности выборочной совокупности данных, в том, что выборка есть уменьшенный портрет генеральной совокупности. Это легче и убедительнее всего достигается сопоставлением в особой таблице данных выборки с данными генеральной совокупности. Кроме того, было бы полезно доказать, что сбор материалов в течение 3—4 лет и объединение этих данных в единые информационные массивы не может существенным образом изменить статистической картины изучаемых явлений. Далее, исследования, отраженные в материалах сборника, выиграли бы, если бы авторы не ограничились лишь построением двухмерных комбинационных таблиц и гистограмм, а применили бы более сложные приемы статистического анализа эмпирических данных.

Отмечая недостатки сборника, мы все же склонны в целом высоко оценить труд казанских этнографов. Этот труд знаменует начало нового этапа в развитии нашей науки, когда статистические приемы становятся обычными и повседневными в исследовательской работе, когда формируется новое методическое направление — статистическая этнография.

В. В. Пименов, Т. П. Федянович

И. С. Гурвич. Культура северных якутов-оленьеводов (К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). М., 1977, 245 с.

Более двух веков исследователей истории и этнографии народов Сибири привлекают судьбы якутского народа, оказавшегося в глубине Северной Азии, обладателя древней скотоводческой культуры, богатейшего языкового наследия, фольклора.

Однако рядом с якутами-скотоводами имелись говорящие на том же тюркском языке оленьеводы, охотники и рыболовы — долганы и северные якуты — в низовьях Лены, на Оленеке.

Кто они, каковы их историко-культурные отношения с остальным, чисто скотоводческим, массивом?

Эту проблему особо, и это является его бесспорной заслугой, выделил крупнейший советский языковед, якут по национальности, Г. В. Ксенофонов. Он на материалах фольклора выдвинул стройную гипотезу о том, что «северные якуты» явились первой волной в многоэтапном освоении якутами территории современной Якутии.

Теперь, в результате целенаправленных полезных исследований И. С. Гурвича, мы имеем первую фундаментальную работу о «северных якутах», где всесторонне освещается история вопроса, образ жизни этой группы якутского народа и ее культура.

Эта монография — «Культура северных якутов-оленьеводов» — является одной из серии его работ, посвященных этнической истории северо-востока Сибири.

Автор поставил перед собой задачу проследить результаты этнического взаимовлияния в области хозяйства, быта и культуры тюркоязычных скотоводов-якутов и охотничье-оленьеводческих групп аборигенов в обширных тундровых и лесотундровых областях Ленского края, непригодных для скотоводства и коневодства. В связи с этим долгие годы автор потратил на непосредственное исследование своеобразного этнического подразделения якутского народа — северных якутов-оленьеводов, осваивающих бассейны Оленека, Нижней Лены и прилегающих к ним районов.

Работа И. С. Гурвича ценна уже тем, что в ней крайне скрупулезно и детально описана своеобразная материальная и духовная культура якутов-оленьеводов и тем самым стерто белое пятно на этнографической карте Сибири.

Основной фактический материал, использованный в монографии, был собран автором в 1940-х годах, когда он стационарно работал в заполярном Оленекском районе Якутской АССР в качестве учителя средней школы, непосредственно участвуя в советском культурном строительстве, в переустройстве жизни коренных жителей этого края. В те годы в хозяйстве и культуре северных якутов еще сохранялось много архаических черт. В дальнейшем автор не раз выезжал в северо-западные районы Якутии для уточнения уже имеющегося материала и его дополнения.

Следует отметить, что И. С. Гурвич не ограничился простым описанием культуры северных якутов, что само по себе представляет большой интерес для этнографов и археологов, но подверг собранные данные тщательному анализу. Автор попытался установить происхождение отдельных элементов культуры, выявить якутские, эвенкийские, юкагирские, самодийские черты. Такой метод исследования культуры, близкий к археологическому, представляется весьма результативным. В целом гипотеза Г. В. Ксенофонтова о происхождении северных якутов-оленьеводов не подтвердилась.

Первый раздел рецензируемой книги посвящен хозяйству и материальной культуре северных якутов.

Анализ охотничьего промысла, оленеводства, рыболовства позволил показать, что на северо-западе Якутии преобладали юкагирско-эвенкийские приемы охоты, характерные для тундры и лесотундры — охота на диких оленей с помощью домашнего оленя-манщика, охота на диких оленей на речных переправах и т. д. Большая часть этих способов охоты восходит к эпохе неолита. Домашнее оленеводство, как свидетельствует оленеводческая терминология, было заимствовано якутами от эвенков. Однако предки якутов-оленьеводов не просто унаследовали хозяйство аборигенов, но в значительной степени усовершенствовали его. На северо-западе Якутии возникли крупные стада домашних оленей, отдельные хозяйства стали разводить оленей не для транспортных целей, а для получения мяса и шкур.

Несомненный интерес представляют результаты исследования материальной культуры северных якутов. В ней отчетливо прослеживаются разнообразные этнические влияния, например в области транспорта — эвенкийские, ненецкие и якутские. В орнаментальном искусстве растительный криволинейный якутский орнамент сочетается с геометрическим — эвенкийским.

По-иному разнородные этнические черты проявлялись в семейной обрядности. В свадебных, родильных и похоронных обрядах преобладали якутские традиции, и лишь в деталях проявлялись следы обрядности, свойственной доякутскому аборигенному населению этого региона. И. С. Гурвич справедливо объясняет это обстоятельство тем, что на северо-западе Ленского края безраздельно господствовали якутский язык и традиционная обрядность.

Переплетение этнических влияний прослеживается автором и в фольклоре. Особое внимание уделено в книге анализу героических сказаний северных якутов о хосунах — богатырях-охотниках. Эти произведения являются одним из основных источников, позволяющих судить об этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной. Исследование нижнеленских и нижнеоленьевских преданий о хосунах позволило И. С. Гурвичу показать, что одна из борющихся сторон на основе ряда деталей культуры отождествляется с палеоазиатскими племенами, по-видимому юкагирами, осваивавшими до прихода тунгусов (эвенков) тундровые и лесотундровые просторы бассейнов Нижней Лены и Оленека. Этот важный вывод хорошо сочетается с данными археологических и лингвистических исследований. Сравнительный анализ по таблицам фольклорных мотивов, встречающихся в разных версиях сказаний о хосунах, привел автора к заключению, что эти эпические произведения складывались на огромной территории и отражают большие, но одновременные события — борьбу тунгусов (эвенков) — пришельцев с юга — с палеоазиатами-юкагирами за обладание охотничьими угодьями, вражду между таежными и тундровыми тунгусами, родовые и племенные распри.

По мнению И. С. Гурвича, фольклорное наследие древнего населения между Енисеем и Леной в какой-то мере также запечатлелось и в сказках о животных и птицах, в рассказах-анекдотах об охотничьей удаче. В этих произведениях он склонен видеть мифы аборигенов северо-запада, усвоенные и переработанные северными якутами.

Последний раздел монографии, весьма насыщенный новым фактическим материалом, посвящен религиозным верованиям северных якутов. Автору удалось показать, что в охотничьих обрядах и обычаях, еще сохранявшихся относительно полно в 1940-х годах, ярко прослеживаются древние представления, характерные для аборигенов Восточной Сибири, именуемые И. С. Гурвичем, вслед за В. Г. Богоразом, культом умирающего и воскресающего зверя. Эти представления сочетались с идеями о связи духа охоты с огнем, с магической силой зверей-выродков, приносящих, по мнению северных якутов, счастье и удачу в охоте. Переплетение древних якутских и эвенкийских верований прослеживается в материалах, характеризующих шаманство северных якутов.

Исследование отдельных сторон традиционной культуры северных якутов-оленьеводов с привлечением исторических данных о миграциях населения в бассейнах Лены и Оленека позволило автору обосновать положение о том, что в XVII—XIX вв. на

северо-западе Якутии, в результате сложных взаимовлияний эвенкийской и якутской культур, наложившихся на какой-то древний аборигенный субстрат, возникла своеобразная культурная область.

Образование этой культурной области, так же как особой этнографической группы якутов-оленьеводов, справедливо рассматривается в книге как одно из явлений, характеризующих поздний этап формирования якутского этноса. После включения Якутии в состав Русского государства широкое расселение якутов по территории Ленского края и прилегающим областям привело к возникновению ряда больших локальных обособленных групп якутского народа, в том числе и наиболее своеобразной северо-западной — оленьеводческой. Вследствие этого значительно усложнилась этническая структура якутского народа, стала более разнообразной и многогранной его культура.

В советский период в ходе социалистического переустройства хозяйства, укрепления экономических связей, общего подъема культуры исчезла былая обособленность отдельных локальных подразделений якутов. Культура северных якутов-оленьеводов, так же как и других групп, сблизилась с культурой центральных якутов. Нельзя не согласиться с общим выводом автора, что сглаживание этнографических различий между отдельными группами якутского народа, сложение современных общезакутских черт культуры — проявления процесса консолидации якутской социалистической нации.

Таким образом, исследование истории и культуры одного из локальных подразделений якутов позволило осветить существенные особенности развития якутского этноса, важные для понимания этнической истории и современных этнических процессов, происходящих в Восточной Сибири. Вместе с тем работа не лишена отдельных недостатков. Так, данные о древнем этническом субстрате, предшествовавшем тунгусам и якутам, не во всех разделах монографии освещены с должной полнотой и не сведены воедино. Нельзя не выразить сожаления, что стихотворные тексты свадебных напутствий, благопожеланий, а также охотничьих заклинаний и т. д. даны только в переводе на русский язык без приложения якутского подлинника. Встречаются неточности в написании якутских терминов. Несомненно, некоторые гипотезы, выдвинутые автором, в частности о становлении отдельных культурных явлений, могут вызвать споры и в дальнейшем будут уточнены, однако то, что сделано, представляет собой большой вклад в сибиреведение и является своего рода «трамплином» для дальнейшей разработки проблемы «северных якутов». За этот вклад в якутоведение и в историю Сибири в целом ему будут признательны и дальнейшие поколения исследователей.

А. П. Окладников

І. М. Браі́м. Рыбалоўства ў Беларусі. Мінск, 1976, 135 с.

Рецензируемая книга интересна прежде всего тем, что в ней впервые на основе широкого и разнообразного круга источников исследованы историко-этнографические аспекты рыболовного промысла у белорусов. Следует отметить, что в этнографической литературе о восточнославянских народах такого обстоятельного многопланового историко-этнографического исследования, отражающего современный уровень научных представлений об этом традиционном промысле, пока не было. Поэтому при разработке научной проблематики, систематизации и анализе историко-этнографических материалов возникло немало сложностей. Автор с большинством их успешно справился.

Поражает обилие и разнообразие источников, привлеченных автором. Так, И. Н. Браим одним из первых широко использовал материалы о рыболовном промысле, имеющиеся в архивах и историко-краеведческих музеях, а также собранные во время этнографических экспедиций и обнаруженные в фондах Государственного музея этнографии народов СССР. Им выявлен разнообразный материал в различных изданиях — в дореволюционной периодике, в этнографических и статистических сборниках, в средневековых письменных источниках.

Несомненная заслуга автора — расширение источниковедческой базы, всесторонний подход к исследованию темы. Автор считает необходимым не только выяснить роль рыболовства в производственной деятельности белорусов, охарактеризовать этнографические особенности традиционных рыболовных орудий и способов их использования, но и изучить основные закономерности развития рыболовного промысла и его организацию, рассмотреть его влияние на быт населения. Приходится сожалеть, однако, что автор ограничил рамки своего исследования XIX—XX в. (предшествующие стадии в истории рыболовства пока еще слабо изучены).

В работе И. Н. Браима предпринята попытка серьезного научного анализа рыболовной техники, выявлены локальные особенности традиционных рыболовных орудий, впервые составлена карта распространения большинства рыболовных орудий на территории Белоруссии.

Рецензируемую книгу можно условно разделить на две части. В первой рассматривается рыболовный промысел у белорусов в дореволюционный период, во второй анализируется его развитие в советскую эпоху.